DOI: 10.17976/jpps/2021.02.13

РОССИЯ И МИР В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НАБЛЮДЕНИЯ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ

Е.О. Обичкина

ОБИЧКИНА Евгения Олеговна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России, Москва, email: obitchkina@mail.ru

Обичкина Е.О. Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдения за наблюдателями. – Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 180-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 11.01.2021

Аннотация. Внешнеполитическая активность России направлена на упрочение позиций страны в новой мировой иерархии, однако на Западе ее политика расценивается как вызов и угроза евро-атлантической безопасности. Расхождение цели и результата ставит вопрос о критериях привлекательности государства в современном европейском контексте. В статье рассматривается оценка положения России в мире в особом ракурсе – глазами европейских наблюдателей. Поводом к ней послужило издание коллективной монографии "Россия в мире" под руководством одного из ведущих французских специалистов по российской политике Анн де Танги (La Russie dans le monde. Sous la dir. de A. de Tinguy. Paris: CNRS Editions, 2019), что представляет уникальную возможность ретроспективного анализа, поскольку более десяти лет назад она издала книгу на ту же тему. В обоих случаях достаточно широкий круг авторов дает представление об оценочных критериях, которые определяют место России во внешнеполитической стратегии европейских государств. Российскому читателю представленные исследования интересны критическим взглядом их авторов, а также отражением идентичности европейского наблюдателя, исходящего из потребностей национальной внешней политики. В первые десятилетия становления нового российского государства отношение к нему зависело от степени готовности к интеграции в либеральный мир под эгидой Запада, но на рубеже2000-х и 2010-х годов европейцы осознали, что его превращение в самостоятельный центр силы сопровождалось отказом от конвергенции на основе западной модели. Это снова – большой Другой, оппонент универсальной либеральной парадигмы развития, которая оспаривается не только извне, но и изнутри. Таким образом, "русский вопрос" вторгается во внутриполитическую сферу в решающие моменты, подобные президентским выборам в США и во Франции. Выигрывает ли от этого Россия? Анализ европейского взгляда на российскую политику проясняет причины устойчивого расхождения между Москвой и Европой.

Ключевые слова: Россия в мире, критерии привлекательности, Россия и Европа, Россия и США, Россия и Китай, Россия и ближнее соседство, мягкая сила, силовое могущество, французская аналитика о России.

В августе 2019 г. президент Франции Э. Макрон, готовясь принять саммит Большой семерки, посчитал необходимым встретиться с президентом России. Перед встречей он заявил: "не следует разворачиваться спиной к России... поскольку это толкает Россию к геополитике, которая не в наших интересах. Чтобы сохранить свою значимость, ЕС должен при новом геополитическом раскладе изобрести новую архитектуру взаимодействия с Россией"[1].Это за-

[1] Déclaration conjointe Poutine/Macron. – *BFM TV*. 19.08.2019.

явление свидетельствовало о попытке переосмыслить геополитику Франции, которая вознамерилась говорить от лица всего Европейского союза, но оно не стало прологом преодоления кризиса в отношениях России и ЕС. Устойчивость и длительность тенденции к расколу между ними не позволяет списать кризис на цепь преходящих обстоятельств и ставит вопрос об основах устойчивого негативного восприятия образа страны европейцами.

Геополитический и оценочный подходы к международной деятельности России: последствия отказа от конвергенции

Россия в очередной раз вернулась в центр внимания европейских внешнеполитических аналитиков в связи с присоединением Крыма. Пожалуй, нынешний всплеск интереса к ней можно сравнить с 1990-ми годами, однако обращение к русской теме в последние годы имеет ряд специфических черт. После устранения идеологического и формационного антагонизма между Москвой и Западом международное положение России рассматривалось в перспективе строительства глобального либерального порядка. В свете этого намеченная новым руководством страны цель "возвращения в круг цивилизованных держав", которая подразумевала употребление слова "цивилизация" в духе позитивизма, определяла отношения Запада и России в ряду прочих стран Восточной Европы как связь "ведущего" и "ведомого". В то же время либеральный идеализм западного подхода в целеполагании сопровождался реализмом в анализе соотношения сил, которое ставило Россию 1990-х в неизбежно слабую, зависимую позицию по отношению к Западной Европе и США, а конвергенция призвана была интегрировать Россию в Европу по модели и на условиях, диктуемых Западом.

На рубеже веков вышла серия статей, в названии которых положение России ассоциировалось с упадком и бессилием, впрочем, в глазах многих – временным [Tinguyde 2000; Sokoloff 2000; Dubien 2001]. А. де Танги тогда отметила, что ельцинская Россия сумела превратить собственную слабость в фактор могущества. "Ей удалось утвердить идею, что ее ослабление могло повлечь за собой столь ужасные последствия для внешнего мира, что его собственный интерес состоит в том, чтобы оберегать ее и помогать ей" [Tinguyde 2000: 219]. Рассматривая перспективы развития страны в общеевропейской либеральной парадигме, А. Дюбьен предполагал, что "постимперская Россия, по всей видимости, обречена стать 'нормальной' страной" [Dubien 2001: 162].

Постепенное восстановление российской экономики и усиление государства к концу 2000-х годов рассматривались в общем идеологическом ключе, подразумевавшем встраивание в проект мирового либерального управления. В 2008 г. авторы предыдущей книги о России в мире, вышедшей через год после памятной "мюнхенской" речи В. Путина, но до кризиса на Кавказе, выбрали название "Москва и мир – амбиция величия: иллюзия?", ставившее под вопрос ее претензии на державный ранг, хотя вопросительный знак в конце фразы призван был смягчить жесткость вердикта. Центром докризисного мира оставалась Евро-Атлантика, и в этом евро-атлантическом мире, как отметила А. де Танги, "Россия не нашла своего места" [Moscou et al. 2008: 203].

Парадигма демократического транзита, определявшая отношения России и Запада, оказалась неудачной, при этом не наметилось никакой другой, приемлемой для обеих сторон. Результатом стало "конфликтное партнерство, все более похожее на сосуществование", т.е. на отношения, близкие к холодной

войне. А. де Танги предвидела риски, что “политика России, требующей большего уважения к своим интересам, вызовет обратный эффект на Западе, вынуждая США и ЕС дистанцироваться от России и пересмотреть свои взгляды на стратегическое равновесие в Европе” [ibidem].

В те годы еще возможны были два сценария развития отношений, и автор оставляла вопрос открытым, заключая: “сегодня трудно определить, какой из двух намеченных путей победит: сближение/ассоциация или взаимное отдаление” [ibid.: 204]. В то же время она склонялась к сдержанному оптимизму, основанному на убеждении, что помимо воли российских лидеров существуют факторы, способные в отдаленном будущем обеспечить “европеизацию снизу”: интеграция России в мировую экономику, рост зарубежных контактов и свобода движения идей и людей [ibid.: 13, 207]. В пользу такого сценария говорил и ответ на вопрос, вынесенный в заглавие книги. А. де Танги характеризовала Россию не как великую державу, способную влиять на остальной мир, но как среднюю державу, зависящую от внешнего мира в деле модернизации своей экономики, которая, наряду с демографией, представляется ее наиболее уязвимым местом. Отсутствие условий устойчивого экономического роста в опоре на собственные производительные ресурсы для любого западного политолога, воспитанного в классической традиции, априорно снижает шансы попасть в группу мировых лидеров. Опыт европейцев, компенсировавших утрату внешнеполитического могущества опорой на потенциал США и европейской интеграцией, указывал путь преодоления слабостей переходного периода, тем более что в истории России с Петра I источником модернизации для нее всегда была Европа.

Казалось бы, программа “Партнерство для модернизации” России и ЕС 2010 г. направляла страну в это русло. Однако показательно, что отношение проницательного наблюдателя к ее успеху было скептическим, поскольку А. де Танги было очевидно, что западная парадигма развития “разбилась вдребезги”, так как достижение независимости, за которую борется Москва, “реализуется через отказ от западной модели” [ibid.: 12]. Это было хотя и фундаментальной, но не единственной причиной, поскольку в фокусе анализа находилась только политика Кремля, в то время как для сближения требовалось и встречное движение Запада.

Один из ведущих французских политологов Т. Гомар отмечает, что неудача приобщения России к западному миру лежит не только на совести российского руководства и общества, но стала следствием “полной незаинтересованности со стороны западных держав” [Gomart 2019: 133]. Теперь Россия и Запад составляют уже устойчивую антитетическую пару. Россия для европейского интеллектуала – это большой Другой, прямо влияющий на расстановку сил в мире. Ее возвращение в мировую политику – общепринятая данность, но так называемый русский вопрос [Mongrenier, Thom 2016: 5] состоит в том, что реализация восстановленного могущества воспринимается как вызов Западу. Тенденция, которую констатировали авторы книги “Москва и мир” в 2008 г., переросла в антагонизм в связи с украинским кризисом 2014 г., что само по себе свидетельствует о верности предсказанного вектора развития. Между тем по сравнению с 2000-ми годами самоощущение европейского наблюдателя изменилось: исчезло ощущение стабильного благополучия, ставящего его по отношению к остальному миру в привилегированное положение, так как разладилась либеральная парадигма мирового развития.

В недавней книге Т. Гомара, название которой можно вольно перевести метафорой "Взбесившийся компас: десять мировых геополитических вызовов" (*L'affolement du monde*) [Gomart 2019], Россия поставлена в ряд десяти главных геополитических вызовов (*enjeux*), переворачивающих мировой порядок, сложившийся по окончании холодной войны. Автор отмечает, что убедительные дипломатические успехи России в сочетании с отказом Кремля от конвергенции по западной модели усиливают у европейцев неуверенность в возможности утвердиться в качестве самостоятельного центра силы в меняющейся мировой иерархии, тем более что российский фактор вторгается во внутреннюю политику западных демократий, порождая в обществе искушение авторитаризмом [ibid.: 17]. Мировой экономический кризис ускорил разрушение картины, основанной на убеждении, что международная система может быть рационально сформирована Западом. В западной аналитике феноменологический подход к анализу поведения международных игроков и оценка соотношения сил теснит либеральный универсализм, хотя он сохраняет роль фундаментального символа веры.

Могущество как относительная категория: о преимуществах "перекрестного" взгляда на роль России в мире

В условиях мирового экономического кризиса была задумана серия публикаций, предпринятая издательством Французской академии наук (*CNRS – Centre national des recherches scientifiques*) под общим названием "В мире", и книга о России вышла в ней третьим номером, после книг о США и Китае. По замыслу руководителя проекта Ф. Шарийона, в серию должны войти исследования, призванные осветить место главных игроков на мировой арене. Коллективная монография "Россия в мире", как и та, что вышла более десяти лет назад, написана под руководством А. де Танги. Чего стоит эта "бронза" в новой расстановке сил? Почему признание за Россией весомой роли в международных отношениях не ведет европейцев к стремлению соединить с ней усилия для преодоления главных вызовов и угроз? Ответить на эти вопросы помогает взгляд со стороны.

В 2010 г. президент Франции Н. Саркози призвал европейцев "перевернуть страницу холодной войны" в отношениях с Россией. Но для того, чтобы пойти по этому пути, ведущим странам ЕС нужны были либо веские основания в духе поворота России к конвергенции, либо исключительно сильная мотивация к смене их собственных приоритетов. Украинский кризис отбросил Россию и ЕС по разные стороны "Майдана", но с тех пор российским властям казалось, что такие мотивы объективно существуют. Среди них – разрастание террористической угрозы у границ Европы, преимущества географического положения России на фоне продвижения китайского глобального проекта "Один пояс – один путь". Однако для европейцев, которые проявляют постоянный интерес к измерению российского потенциала, они не перевешивают негативного восприятия.

В книге "Россия в мире" предложен "перекрестный взгляд" России на себя и на мир, а мира – на Россию. Авторы приходят к выводу о "глубоком разрыве между представлениями о мире, преобладающими в Москве, и представлениями в мире о России" [La Russie dans... 2019: 50]. Мы читаем зарубежные книги о России, чтобы увидеть свой отраженный образ. Кроме того, отражение может многое сказать о самом зеркале. Расхождения между оригиналом и отражением позволяют измерить размах "ножниц", которые разрезают ткань взаимопонимания между Россией и Западом. Россия хочет предстать одним из главных игроков на международной арене, участвующим на равных с ведущими мировыми державами в организации нового глобаль-

ного управления. Между тем, указывает А. де Танги, этот образ только частично соответствует реальным средствам влияния на международное развитие, имеющимся в распоряжении российского руководства. Поскольку в книге нет общего заключения, выводы руководителя авторского коллектива предваряют чтение, направляя читателя, а собранные в книге специальные исследования, следующие основным направлениям российских интересов, оставляют за ним синтез этого богатого материала [ibid.: 51].

От имени европейских партнеров А. де Танги задает вопросы, важные для прогнозирования их собственной политики. Каким курсом пойдет российский президент? Чему отдаст приоритет: "решительной борьбе с источниками уязвимости и слабости своей страны, направив ее по пути новой "перестройки", или будет по-прежнему отдавать приоритет демонстрации внешнеполитического могущества?" [ibid.: 9]. Помимо собственного длительного и богатого опыта исследования российской политики, личного знакомства с ее реалиями, автор привлекает материал обширной аналитической литературы, сопоставляя суждения западных и российских политиков и аналитиков. Фокус здесь на центральной характеристике международного веса государства – внешнеполитическом могуществе. Государства выстраивают и транслируют искомый образ, но всякий раз успех зависит от его восприятия партнерами [ibid.: 11], а те улавливают не только демонстрацию силы, но и симптомы слабости. "Владимиру Путину недостаточно заявить, что Россия вернулась в круг мировых держав, он должен учитывать ее репутацию на международной арене" [ibid.: 10]. А. де Танги считает, что главными факторами возвращения России на мировую авансцену стали силовые акции, но, адресуясь к международному окружению, следует отдавать себе отчет в специфике западных критериев привлекательности.

В конце 1990-х годов П. Бонифас актуализировал определение могущества, подразумевая под ним "способность контролировать правила игры в одной или в нескольких ключевых областях всемирного соревнования"[Boniface 1998: 39], добавив формулу американца Джозефа Ная "мягкая сила", которая позволяет стране "создавать такую ситуацию, чтобы другие страны делали выбор или определяли свои интересы в соответствии с ее собственным интересом"[ibidem].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ

Первая глава книги посвящена анализу российской экономической модели. Ее автор Ж. Веркёй считает, что, как и в советские времена, несмотря на кардинальные формационные различия, для этой модели характерна особая политическая экономия/экономика. Во французском языке эти понятия составляют единую сущность, поскольку невозможно предположить, что этот род деятельности может не быть подчинен поискам эффективности/экономии. Для западных аналитиков, воспитанных в либеральной экономической культуре, аксиоматично, что политическая мотивация экономической политики государства является фактором риска, поскольку стабильность экономических связей может стать заложницей внутриполитической конъюнктуры и волюнтаристских решений. Курс на самоутверждение России в опоре на силовое могущество, с отсылкой к печальному опыту мобилизационной экономической модели СССР, в их глазах усугубляет ситуацию.

Анализируя причины нынешнего экономического спада, Ж. Веркёй не соглашается с позицией Кремля, обвиняющего Запад в "экономической войне", поскольку экономические показатели начали падать с 2012 г. [La Russie dans... 2019: 67]. Политическая воля, стоящая за западными санкциями, осталась за

рамками исследования, несмотря на то что смыслом их введения был подрыв российского потенциала. Ответные меры, направленные на достижение "экономического суверенитета", автор считает примером решения политических задач за счет экономики, скептически относясь к самой возможности его реализации. Ключевые экономические показатели зависят от мировых тенденций, на которые российское руководство повлиять не в состоянии [ibid.: 65]. В то же время Ж. Веркёй заметил, что во внутриполитическом плане санкции дали результат, обратный ожиданиям Запада, сплотив общество вокруг новых геополитических целей власти, невзирая на издержки [ibid.: 62]. Приведенный автором аргумент подтверждает органическую неадекватность расходящихся взаимных отражений России и Запада и их влияния на принятие решений.

"Перекрестный взгляд" обнажает и двойственный характер географической принадлежности и Европе, и АТР. В то время как наращивание потенциала сотрудничества в Азии представляется российскому руководству альтернативой трудным отношениям с Западом [ibid.: 50], переориентация внешнеэкономической деятельности России с Европейского союза на Китай волнует европейцев. Успешное развитие этого проекта снижает результативность санкционной политики, а в долгосрочной перспективе подрывает перспективу совместного развития двух частей Европы. Ж. Веркёй указывает на риски тесной взаимозависимости как для России, так и для Китая, причем для России он считает их более высокими в силу диспропорции экономических и технологических потенциалов, ослабляющей позиции Москвы в торговых переговорах один на один с Пекином [ibid.: 71].

Главу о восприятии России в Северо-Восточной Азии написалспециалист по стратегической и военной политике России и Украины С. Маранже, который активно сотрудничает с Гарвардским, Йельским и Колумбийским университетами. Автор считает, что усиление Китая и угроза со стороны Северной Кореи повышают у Южной Кореи и Японии мотивацию к стратегическому партнерству с Москвой [ibid.: 198], хотя с экономической точки зрения Россия в регионе является "колоссом на глиняных ногах" [ibid.: 204], "торговым партнером второго плана" [ibid.: 213]. С. Маранже указывает, что восприятию России как равноправного экономического партнера в регионе мешает то, что она повернута к АТР наименее развитой, малонаселенной частью, оторванной одновременно от экономического центра и от остального мира [ibid.: 209]. Автор отмечает, ссылаясь на неназванного российского военного эксперта, что две державы сохраняют определенную степень взаимной настороженности, и при этом указывает на активность китайской разведки на российском направлении [ibid.: 199]. Европейцы обеспокоены рисками тесного сотрудничества России с Китаем, представленного как главный внешний рычаг российской модернизации. Им небезразлично, что его асимметричный характер может усилить зависимость России от Китая. Это в глазах европейских наблюдателей сужает рамки самостоятельных действий России в Евразии.

Мягкая сила в исчисляемых и неисчисляемых категориях

Универсальное значение культурного наследия – общепризнанное достижение России. Для образованных европейцев Россия – прежде всего родина Толстого, Достоевского и Чехова, однако именно это обстоятельство определяет их требовательное отношение к гуманитарному измерению российской политики. Автор главы "Россия в мировом культурном пространстве" О. Белова отмечает, что опорой продвижения образа России за рубежом остается пропаганда

исторического наследия. Обеспечивая место в первой десятке стран, наиболее привлекательных для туристов [La Russie dans... 2019: 89], эта политика не способствует утверждению ее культурного могущества на международной арене, поскольку консервативно-охранительная тенденция официальной политики продвижения российского искусства расходится с западным культурным запросом на поиск новых изобразительных средств и смыслов.

Падение международного признания нематериальной культуры России измеряется редким присутствием российских авторов среди номинантов и победителей престижных международных премий [ibid.: 95]. Признавая, что "современное искусство" – термин, который, как и "современное государство", в официальном российском лексиконе является маркером времени, но не качественной характеристикой, это мнение можно было бы оспорить. Однако выводы автора основаны на общепринятых критериях, создающих европейскую и мировую репутацию.

Политика мягкой силы стремится активно задействовать потенциал "Русского мира" в качестве инструмента, способного продвигать интересы и положительный образ России. Насколько оправданы надежды, возлагаемые в Москве на "Русский мир"? Материал для размышлений дают результаты полевых исследований русской диаспоры в Эстонии, Латвии и Франции, проведенных О. Бронниковой и К. Кеза. Во-первых, они показывают, что русскоязычное население в странах Балтии не является возможным агентом мягкой силы России. Несколько прежних поколений представителей русской диаспоры как во Франции, так и в Балтии объединены двойственным отношением к России. Они обрели новую, европейскую идентичность, и им не нравится, что в России их принято называть "соотечественниками" [ibid.: 252]. Они ценят более высокие жизненные стандарты и принадлежность Европейскому союзу, но ощущают духовную близость с Россией и негативно воспринимают рост русофобии в европейских СМИ [ibid.: 272]. Одновременно авторы констатируют появление противоположной тенденции: после 2012 г. диаспора русских европейцев активно пополняется российскими оппозиционерами, которые считают себя обязанными "культивировать" русофобию [ibid.: 275]. Авторы оставляют открытым вопрос о том, как велико будет ее влияние не только в русскоговорящих общинах Эстонии, Латвии и Франции, но и в самой России [ibid.: 276].

РОССИЯ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Третья глава книги, написанная Б. Бальси и Э. Армандон, посвящена странам постсоветского пространства. Будучи регионоведами, авторы остаются в рамках стереотипной имперской парадигмы, но собственные "полевые" исследования позволяют им выйти за рамки этих стереотипов в анализе восприятия образа России в странах постсоветского пространства.

Особого интереса заслуживает констатация возросшей дифференциации геополитических интересов новых независимых государств и неоднозначной реакции России. На Кавказе и в Центральной Азии Россия готова "признать влияние других акторов, в частности Китая", в то время как "она отказывается делить его в западной части бывшего СССР, особенно на Украине" [La Russie dans... 2019: 138]. Авторы указали на главную болевую точку, которую не задевает влияние незападных игроков (Ирана, Турции, Китая), поскольку те не провоцируют рост антирусских настроений, источником которых в Москве считают США и ЕС. К выводу, что в ближнем зарубежье

"России предназначено стать обычным партнером, который непрестанно должен договариваться о природе своих связей" [ibid.: 139], хочется добавить, что в силу балканизации постсоветского пространства конфронтация России с Западом придает драматизма внешнеполитическому выбору новых независимых государств, являясь генератором кризисов, подобных украинскому.

Больным вопросом остается политика памяти, направленная на удержание российского влияния при апелляции к общей истории народов бывшего СССР. Э. Армандон указывает, что она зачастую приводит к противоположным результатам, поскольку эта память имеет свойство концентрироваться на трагических моментах советской истории. Голодомор и в современной Украине, и на Западе трактуется как геноцид украинского народа, осуществленный по приказу из Москвы [ibid.: 121], и эта имперская парадигма, ассоциируя советское репрессивное государство с географическим центром – Россией/Москвой, упрощает советский феномен, оставляя без внимания особый, классовый характер большевистской модели государства-партии с его политикой повсеместного искоренения самостоятельного крестьянства и национального самосознания, оставившей не менее трагический след в истории самой России. Добровольный отказ российского общества от процесса над коммунизмом – важная причина того, что воспоминания о едином историческом прошлом превращаются в фактор раскола, поэтому стоит согласиться с утверждением автора, что ссылки на общее прошлое только усиливают эффект отталкивания. Отказ от партии-государства в 1990-е годы служил главным индикатором разрыва нового российского государства с СССР. В то же время их отождествление стало удобной ширмой, за которой посткоммунистическая Восточная Европа превращалась в Западную.

Обращаясь к интерпретации недавнего прошлого, уточним мотивы и датировку начала "настоящего разрыва между российской властью и ближним зарубежьем". Авторы связывают его с приходом к власти В. Путина [ibid.:116]. Представляется, что по-настоящему поворотным стал не 2000, а 2004 г., когда в преддверии парламентских выборов российское руководство оценило риски, связанные с "цветными" революциями в Грузии, Киргизии и Украине. В первые годы правления президент России пытался выстроить "вертикаль власти", не отказываясь от "демократической солидарности" с Западом, о чем свидетельствует его реакция на 11 сентября 2001 г. и попытки в 2002 г. найти новую формулу отношений с НАТО. Общей тенденции это соображение не меняет, но существенно уточняет внешние и внутриполитические мотивы такого поворота.

Отраженное отражение в анализе отношений Запада и России

Исследования о восприятии России в США и ЕС помогают разглядеть суть нынешних расхождений между Россией и Западом. Вопросы, которые задает к представленному материалу российский исследователь, отличаются от тех, что ставят французские авторы. Их интересует направление внутренней эволюции России; нам же прежде всего интересно, задумываются ли европейские аналитики о возможности и о путях преодоления нынешнего кризиса. Название главы об отношениях России и США ("Восприятие России в США: перекрестный стратегический взгляд") свидетельствует о трактовке этого сюжета в духе теории реализма, определяющей стратегический характер отношений. Ее автор – дипломат и исследователь С. де Гальбер сосредоточился на ключевом для европейцев вопросе: насколько взаимоотношения России и США, эксплуатирующие образ врага, способны повлиять на безопасность Франции и Европы в целом.

Автор предпринимает попытку толкования малопредсказуемой политики Д. Трампа, чьи заявления в адрес европейских союзников требуют от европейцев адекватной реакции [ibid.: 159]. Россия вошла в круг американских приоритетов в 2008-2014 гг., когда "рискованный авантюризм" российских действий... которому США до сих пор не смогли воспрепятствовать" [ibid.: 151], изменил восприятие России в сторону "структурного антагонизма" [ibid.: 144]. Автор исходит из предвыборного обещания Трампа вернуться к диалогу с Путиным, высказывая "еретическое" предположение, что желание Трампа сократить американское военное присутствие в Европе и в Азии могло бы "направить США по траектории, более совместимой с интересами России" [ibid.: 157], отчего выиграли бы Россия, США и евро-атлантическая безопасность в целом [ibid.: 164]. Впрочем, сам автор считает такой поворот маловероятным, поскольку в налаживании диалога с Россией рамки действий президента США крайне сужены. Предполагаемое российское вмешательство в президентские выборы впервые сделало Россию фактором внутриполитической жизни, и любой президент США должен "будет демонстрировать большую твердость по отношению к России, что в долгосрочной перспективе будет питать существующий ныне антагонизм" [ibidem].

Главу о взаимоотношениях России и Европейского союза написала Л. Делькор, специалист по политике "восточного соседства" ЕС. Российскому читателю интересно, трактуется ли резкая смена отношения к России в 2014 г. как непосредственная реакция на ее действия или как выражение более устойчивого тренда на взаимное отчуждение. В отношении европейцев к России впечатляет четкая "решетка чтения"[2] сложной реальности, воплощенной в ЕС. Анализ различий и совпадений в отношении к России в различных частях объединенной Европы позволяет автору сделать несколько обобщений, сущностных для понимания нынешнего кризиса. Читателю следует сделать вывод, что, не выработав единой позитивной стратегии в отношении России, европейцы объединились в ее негативном восприятии. Хотя в основе такого подхода лежат разнородные интересы, внутренняя и внешняя политика Кремля, как показывает автор, привела к сложению общего образа. Нарастающее расхождение двух идентичностей, находящихся в стадии становления – западноевропейской и российской, – главный вывод, дающий малоутешительный ответ сторонникам европейского выбора России. Отталкивание от России "способствует консолидации идентичности единого Европейского союза, который по своей природе неоднороден". "Русское зеркало", представляющее иную модель, отразило слабости и парадоксы развития, с которыми сталкивается сам ЕС. Для представителей крайних партий внутриполитического спектра, националистических или консервативных правительств ряда европейских стран Россия "является примером сопротивления глобализации, западной (особенно американской) гегемонии, и/или защитником традиционных ценностей" [ibid.: 188].

По прочтении главы трудно избавиться от впечатления, что за кадром (видимо, для чистоты эксперимента) осталось важное измерение стратегического свойства – атлантическая идентичность, которая в строительстве единой Европы дополняет европейскую и отчасти соперничает с ней. Атлантический

[2] Французский термин, аналогия с приемом дешифровки, состоящим в наложении "решетки чтения" (специальной матрицы) на невнятный с точки зрения искомого содержимого текст, скрывающий зашифрованное послание.

импульс, сопровождавший большое расширение ЕС на страны ЦВЕ, губительно повлиял на судьбу первоначального, хотя и не до конца проработанного проекта строительства общеевропейского дома "от Лиссабона до Владивостока", сторонниками которого были страны "старой" Европы (Франция, Германия и Италия), а также православные страны греческого ареала. Логика взаимной адаптации прослеживалась в "дорожных картах" создания общих пространств и в проекте "партнерства для модернизации". Между тем расширение ЕС, ускоренное расширением НАТО, привело к "атлантизации" самого ЕС и обострило его разногласия с Россией. Результатом было стирание стратегических приоритетов "европейской" Европы, вытеснение континентальных интересов безопасности, способных связать ЕС с Россией перед лицом новых угроз. На первом месте оказались атлантические интересы, в защите которых новым членам виделись гарантии от угрозы со стороны Москвы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ "СИЛЬНОГО" "СЛАБЫМ": ОТРАЖЕНИЕ РОЛИ РОССИИ НА СРЕДНЕМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сегодня главным направлением демонстрации российского силового могущества выступает регион острых вооруженных конфликтов от Среднего и Ближнего Востока до Ливии. О восприятии в нем России написал Ж. Носетти[3]. Исследователь употребил в названии главы военный термин: "Передислокация [*redéploiement* – фр.] российского влияния". Автор отталкивается от парадокса: "регион, относительно второстепенный с точки зрения национальных интересов, тем не менее является традиционным пространством утверждения российского могущества"[La Russie dans... 2019: 221].

Сторонний взгляд высвечивает общую тенденцию, которая прячется за новостями, требующими немедленной реакции от российских аналитиков. Это риски, которые создает противоречивая игра интересов местных центров силы для политики России, подразумевающей благожелательное партнерство с различными игроками. Автор указывает, что эта политика реализуется через "сделки" между российскими властями и руководителями стран региона (*politique transactionnelle*), что заставляет Кремль действовать прагматично, нацеливаясь на достижение конкретных и немедленных результатов [ibid.: 245]. Местные правительства стремятся использовать Москву в своих интересах, подкрепляя собственные позиции в противостоянии (Иран, Сирия) или в партнерстве с Вашингтоном. От России они добиваются того, в чем им отказали США, тем самым показывая Западу наличие альтернативы в лице России [ibid.: 238]. При этом в глазах американских союзников (Израиля и Саудовской Аравии) притягательность подобного партнерства с Россией гораздо ниже, чем привлекательность союза с Западом. Поэтому страны региона устанавливают степень сближения с Россией, исходя из сиюминутных интересов, а стремление Москвы к диалогу со всеми сторонами снижает доверие к ее политике в каждой из них [ibid.: 246]. С осени 2015 г. российское военное вмешательство в сирийский конфликт серьезно изменило эту картину в пользу России, тем более что политика США и их союзников вызывала растущее разочарование в регионе.

[3] В современной французской аналитике пространство, включающее средиземноморский Ближний Восток, страны Персидского залива, Северную Африку от Египта до ливийской Киренаики, а также две неарабские державы – Турцию и Иран, объединено понятием "Средний Восток" (*Moyen Orient*) [La Russie dans... 2019: 221].

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ?

В монографии нет заключения. Тем важнее понять, какое восприятие места России в мире призвано породить у читателя представленное отражение отражений и какие чувства оно вызывает у российского читателя. Относительно второго можно сказать главное – избранный метод исключает какой-либо протест или возражение по существу: на зеркало пенять бесполезно. Книга адресована французскому читателю, а в России по-французски ее прочтут, скорее всего, только профессионалы. Что нового она открывает этой специальной аудитории?

Значимость книги в том, что каждая из ее глав написана специалистом-исследователем, находящимся на острие соответствующей проблематики и что она отвечает на важный вопрос о перспективах развития отношений между Россией и Европой, указывая на главные ограничители их кардинального улучшения. Перекрестный взгляд свидетельствует, что образ особой страны-цивилизации, который продвигается российским руководством, хотя и находит сочувствие в консервативном электорате европейских обществ, включая часть русской диаспоры, усиливает тенденцию на отторжение, устраивающую сторонников атлантической Европы. Прагматизм Москвы в выстраивании связей с азиатскими и ближневосточными игроками дает краткосрочные преимущества, однако мало способствует решению долгосрочных стратегических задач, скрывая, но не устраняя источники потенциальных противоречий. Принимая этот малоутешительный вывод, но продолжая игру отражений, хочется вернуться к размышлениям С. де Гальбера о зависимости европейского стратегического баланса от отношений между Москвой и Вашингтоном. Французскому дипломату ясно, что от гармонизации интересов с Россией зависит будущий вес ЕС в мире и что на перспективы подобной гармонизации влияет то, насколько вероятна возможность преодоления российско-американского антагонизма.

Русским европейцам следует принять, что Россия имеет дело с атлантической Европой. Защитники европейского выбора России всегда надеялись найти общий язык с защитниками европейской Европы, прежде всего во Франции, где сохраняется воспоминание о голлизме. В основе этих поисков лежит мысль, сформулированная российским специалистом по французской политике Ю.И. Рубинским. С сожалением констатируя, что становление внешнеполитической идентичности страны отходит от европейской цивилизационной модели, автор указывает, что сближение между ЕС и Россией имеет определяющее значение как с точки зрения перспектив российского развития, так и для места Европы в мировой иерархии. Не обретя собственного веса в мире из-за растущего соперничества двух ведущих центров силы – США и Китая, она может раствориться "в процессе глобализации, рискуя оказаться разорванной между евро-атлантическим и евро-азиатским полюсами" [Рубинский 2018: 178]. В то же время наблюдение за наблюдателями позволяет понять, что, несмотря на убедительную и эффективную демонстрацию силы, Россию в Европе не считают привлекательным партнером. "Возможности России реализовать свои амбиции сегодня ограничены и останутся таковыми, пока Кремль не выдвинет экономическое развитие на первое место среди своих приоритетов и пока страна не освободится от груза прошлого" [La Russie dans... 2019: 50], – такой вывод делает редактор издания А. де Танги. Степень уважения ЕС к России зависит от успехов ее экономического развития, а главным препятствием к устойчивому преодолению антагонизма между ней и ЕС

для наблюдателей из “старой” Европы остается парадигматический разрыв: отклонение Москвы от конвергенции по европейской модели.

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.13

RUSSIA’S GLOBAL POSITION AS REFLECTED IN FRENCH STUDIES: THE OBSERVATIONS OF THE OBSERVERS

E.O. Obichkina[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

OBICHKINA, Evgeniia Olegovna, Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, email: obitchkina@mail.ru

Obichkina E.O. Russia’s Global Position as Reflected in French Studies: the Observations of the Observers. – Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 180-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13

Received: 05.05.2020. Accepted: 11.01.2021

Abstract. A number of decisive foreign policy actions taken by the Russian authorities have returned this country to the center of attention of international analysts, ensuring its place in the top three most influential world powers, after the USA and China. However, influence is a relative category. Despite Moscow’s goal being to strengthen its position in the new world hierarchy, in the West its policy is regarded as a challenge to Euro-Atlantic security. The discrepancy between the goal and the result raises the question of what the criteria for the attractiveness of a State are in the modern European context. The subject of this article is an assessment of Russia’s position in the world from a special focus – through the eyes of European observers. The reason for this was the publication of a collective monograph “Russia in the World” by Anne de Tinguy, one of the leading French experts on Russian politics; this provides a unique opportunity for retrospective analysis as she published a book on the same topic more than ten years ago. In both cases, a wide range of co-authors suggest ideas of the evaluation criteria that determine Russian’s place in the foreign policy strategy of European States. To the Russian reader, the presented studies are interesting for the critical view of their authors, as a reflection of the identity of the European observer based on the needs of national foreign policy. The positions of the observers have changed over the past ten years. In the first decades of the formation of the new Russian state, the attitude toward it depended on the degree of its readiness to integrate into the liberal world under the aegis of the West; however, at the turn of 2000s-2010s, Europeans realized that Russia’s transformation into an independent power center was accompanied by the refusal to converge on the Western model. This is a return to the idea of “the big Other”: it opposes the universal liberal paradigm of development, which has begun to be challenged not only from the outside but also from within. Thus, the “Russian question” intrudes into the domestic political sphere at crucial moments, such as the presidential elections in the USA and in France. Does Russia benefit from this? The analysis of the European reflection of Russian politics clarifies the reasons for persistent divergence between Moscow and Europe.

Keywords: Russia in the world, criteria of attractiveness, Russia and Europe, Russia and USA, Russia and China, Russia and post soviet space, Soft/Hard power, French Analytics about Russia.

References

Boniface P. 1998. *La France, est-elle encore une grande puissance?* Paris: Presse de Sciences Po. 139 p.

Dubien A. 2001. De l’URSS à la Russie: le déclin de la puissance russe. – *Relations internationales et stratégiques.* No. 41. P. 157-162.

Gomart Th. 2019. *L’Affolement du monde. Dix enjeux géopolitiques.* Paris:Tallandier ESSAIS. 318p.

La Russie dans le monde. Sous la dir. de A. de Tinguy. 2019. Paris: CNRS Editions. 286 p.

Moscou et le monde – L’ambition de la grandeur: une illusion? 2008. Sous la dir. de A. de Tinguy. Paris: Edition Autrement. 217 p.

Sokoloff G. 2000. La Russie, échappera-t-elle à la décadence? – *Relations internationales et stratégiques*. № 38. P. 167-179.

Tinguy A. 2000. La Russie entre la puissance et l’impuissance. – *Relations internationales et stratégiques*. No. 38. P. 207-219.

Rubinski Yu.I. 2018. Dve Evropi ili odna? [Two Europes or One?]. – Rubinski Yu.I. *Primeti vremeni* [Sings of Time]. Vol. 1. Moscow: Institute of Europe, RAS. P. 178-204. (In Russ.)

Литература на русском языке

Рубинский Ю.И. 2018. Две Европы или одна? – Рубинский Ю.И. *Приметы времени*. Т. I. М.: Ин-т Европы РАН. С. 178-204.